

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ УЧИТЕЛЕ

Бабаходжаев А.Б. (СамГУ)

С профессором Леонидом Ивановичем Ройзензоном я познакомился в октябре 1971 года, когда сдавал государственные экзамены. Учился я на заочном отделении факультета русской филологии СамГУ, и поэтому госэкзамены проводились осенью.

Надо сказать, не каждый студент, обучавшийся в то время в русской группе у таких учителей – выдающихся филологов, как В.Б.Куликов, Л.Т.Ботина, А.А.Нагаев, Р.И.Могилевский, А.Г.Ломов, А.М.Эмирова, С.Г.Талышкина, М.П.Ефимова, А.Б.Говоркян, З.И.Мячина и др., сдавал все государственные экзамены на «отлично». Но я все экзамены сдал на отличные оценки.

Л.И. Ройзензон, будучи заведующим кафедрой, в целях подбора кадров для своей кафедры, постоянно наблюдал и спрашивал об учебе студентов, в особенности выпускников. И вот, после первого госэкзамена по Современному русскому языку, который я сдал на «отлично», меня пригласил на беседу профессор Л.И. Ройзензон. Я был удивлен, стало даже страшно, но всё-таки рискнул пойти к нему. Не зная его в лицо, потому что он нам не преподавал, вначале я подошёл к совершенно другому, коренастому и седовласому человеку, подумав, что он профессор Ройзензон. Им оказался доцент Могилевский Рудольф Иосифович. Поздоровавшись и представившись, я сказал ему, что пришел к нему, то есть к Л.И. Ройзензону. В свою очередь Р.И. Могилевский был удивлен не менее, чем я, и ответил, что он – не Л.И.Ройзензон, и показал на энергично идущего по коридору в нашу сторону высокого и приветливо улыбающегося человека. Это и был, как оказалось, Л.И.Ройзензон. Подойдя к нам, он сам сказал, что пригласил меня и, продолжая беседу, очень просто, будто знает меня очень давно, завел в свой кабинет, который был заполнен словарями, учебниками, множеством карточек и различными филологическими журналами на русском, польском и английском языках. Как только мы сели за стол, он сказал: «Я давно наблюдаю за твоей учебной работой по результатам сессии, по

оценкам учителей и пришёл к выводу, что тебе необходимо заниматься научной работой. Знаю, что ты издалека, но, тем не менее, я предлагаю тебе стажировку. Будешь заниматься наукой, а в перспективе – преподавать. Я чувствую: у тебя есть все данные стать хорошим филологом, и ты им станешь». Такое внимание и демократичность были главными чертами, которые отличали его от других. Леонида Ивановича интересовали только знания и стремление человека к их усовершенствованию, а также готовность к работе во имя науки. Поэтому к нему на работу поступали специалисты из разных регионов, представители разных национальностей, люди, имеющие высокие интеллектуальные и моральные качества. Для меня было большой честью, что Леонид Иванович относил и меня к числу таких людей.

На мои слова, что я уже немолодой (мне было 28 лет), семейный, отец двоих детей, и у меня нет возможности жить на квартире, он ответил: «Ты приезжай. Об остальном позабочусь я сам, и все будет нормально». Эти слова и открытость профессора возымели свое действие, и я согласился. (Надо сказать, что Леонид Иванович, оставаясь верный своим словам, до конца своей жизни относился ко мне хорошо, по-отечески.)

И я, уволившись из школы, с семьёй переехал в город Самарканд.

Леонид Иванович принял меня на кафедру стажером, где я работал и старшим лаборантом, и преподавателем-почасовиком. Помог мне в приобретении, хотя и без удобств, но собственной однокомнатной квартиры из бывших домов СамГУ, где прожил 16 лет. В течение года он иногда сам приходил или отправлял кого-то из коллег, чтобы узнать, как я живу.

Уже во время стажировки Леонид Иванович учил многих своих стажеров и аспирантов (а их у него было много), в том числе и меня, настоящей исследовательской работе, приводил примеры из своей студенческой жизни. Успехами своими он не хвастался, но при необходимости ими учил настойчивости, смелости и безбоязненному отстаиванию своих взглядов. Однажды, когда у меня появились проблемы со сдачей кандидатского минимума по английскому языку, то есть я не смог сдать этот экзамен с первой

попытки, так как в школе его не изучал, и был сильно расстроен этой неудачей, он мне рассказал один эпизод из своей студенческой жизни. Было это в Львовском государственном университете, одном из авторитетных вузов страны. Сдавали мы экзамен по Теории языкознания профессору А.А.Реформатскому. Этот «старичок» был одним из сильнейших и своенравных преподавателей. По своему предмету он спрашивал очень долго и дотошно, так что нередко экзамен превращался в какую-то «пытку». В результате чего многие студенты терялись в ответах и получали «тройки» и только единицам удавалось получать «четверки», и это считалось большим успехом. А я был круглым отличником, которого знали не только на факультете, но и в университете. И когда настала моя очередь зайти на экзамен, у меня спросили: «На что идешь?» Я ответил: «Иду на «пять». Услышав это, вся группа пришла «болеть» за меня и, заодно, увидеть, чем же закончится этот поединок двух упрямых – профессора и студента, кто выигрывает. Два с лишним часа продолжалась наша беседа. Профессор, зная, что я не из тех, кто согласится на предложенную оценку, стал спрашивать и, гоняя меня по всему курсу, задавал вопросы и по философии, и по социологии, и по литературе. И я с честью выдержал это испытание, ответил на все вопросы. За это время профессор выпил 3 стакана кофе, два чайника чая, притом дважды угощал и меня и без конца обтирал носовым платком свой вспотевший лоб... И только после всего этого, улыбнувшись, он мне тихо сказал: «Молодой человек, вы, конечно пока не гений, но эрудиция у вас есть. За знания ставлю «четыре», а за эрудицию и стремление добавляю ещё один балл. В итоге – у вас «пять». Поздравляю». Когда я вышел в коридор и сказал, что получил «пять», друзья с криком «ура» понесли меня на руках. Вслед за мной вышел и профессор, заявив, что у остальных экзамен примет после перерыва. Но в тот день профессор уже не пришел. Оказывается, от перенапряжения он заболел».

О простоте и заботливом отношении Л.И. Ройзензона к своим коллегам, особенно молодым, говорить можно долго. Нередко он приглашал меня на обед (обычно на плов). И сразу говорил: «Платить буду я». На мои слова о том,

что в прошлый раз тоже платил он, а теперь моя очередь заплатить, отвечал: «Замолчи, ты стажер, а я – профессор». Плов заставлял есть до конца, а оставшиеся куски хлеба и парварды он собирал в кулек и клал в мой портфель и говорил: «Отнесешь домой, детишкам». Сказывались забота и бережливость военных времен. На мои слова, что «неудобно и люди смотрят», он говорил: «Неудобно когда воруют. Если стесняешься, сам понесу твой портфель». И приходилось подчиняться.

Леонид Иванович был выдающимся ученым, кладезем ценнейших идей. Одной своей консультацией по какой-либо теме, он мог пробудить в человеке интерес к поднятой проблеме. Так получилось и с моей первой научной работой. Уже после первой нашей совместной работы по антропонимике узбеков Нурагинского района появилась добротная научная статья [1], которая была опубликована в Москве в сборнике научных статей института этнографии имени Миклухо Маклая АН СССР.

В дальнейшем Леонид Иванович мне настоятельно рекомендовал приступить к написанию кандидатской диссертации на тему «Тюркские заимствования в толковых словарях русского языка XVIII-XX веков», которая была написана, но, к сожалению, по ряду объективных причин защищена уже после смерти учителя.

Во многих крупных городах и научных центрах государств СНГ и европейских стран Л.И. Ройзензона знали как крупного лингвиста-полиглота, в совершенстве знавшего почти все славянские и романо-германские языки. Знал он иврит, осведомлен был о тюркских и персидских языках. Поэтому под его руководством было защищено около 20 кандидатских и докторских диссертаций по различным проблемам языкознания, компаративной фразеологии и фразеологии, эволюции славянских языков. Благодаря его усилиям и совместной работе с известным ученым профессором Ю.Ю. Авалиани в Самарканде в конце 60-70 годов была создана мощная Самаркандская фразеологическая школа, признанная фразеологами всего мира.

Только настоящему ученому проф. Л.И.Ройзензону удалось с критической точки зрения проанализировать концепции таких крупных ученых-фразеологов, как Н.И.Шанский, В.Л.Архангельский, А.В.Кунин, В.А.Чернышёва, А.И.Амосова, М.Т.Тагиев и др., отметить в их концепциях положительные и отрицательные стороны и выдвинуть свою аргументированную позицию по отношению тех моментов в области фразеологии, которые не были учтены вышеназванными учеными. Леонидом Ивановичем было уточнено явление фразеологизации, тавтологии во фразеологии, выяснено отношение к пословицам и поговоркам и другие тонкости этой науки. Более подробно об этом можно узнать, прочитав учебные пособия «Лекции по общей и русской фразеологии» [2] и «Русская фразеология» [3]. О широчайшем научном диапазоне профессора, одного из основателей Самаркандской фразеологической школы Л.И.Ройзензоне свидетельствует также статья известного ученого А.Супруна, опубликованная в энциклопедии «Восточнославянские языковеды», в которой даётся высокая оценка деятельности этого талантливого учёного и незаурядного Человека с большой буквы, чьё 95-летие отмечается в этом году в Самаркандском государственном университете.

Литература

1. Ройзензон Л.И., Бабаходжаев А.Б. Антропонимические серии у узбеков Нураты. /Среднеазиатская ономастика. – М., 1978. – 360 с.
2. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд. 1973. – 223 с.
3. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд, 1977. – 121 с.